

УДК 364.22(100):323

ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ БЕДНОСТИ КАК ОСНОВА РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

М.Л. Теодорович

Аннотация

В статье дается обзор традиционных методов изучения бедности и оценивается эффективность перехода от статического к динамическому подходу. Динамический подход, комбинируя лучшие элементы традиционных концепций, позволяет не только изучать проблему, но и разрабатывать рекомендации по регулированию социального неравенства.

Ключевые слова: теоретические подходы к изучению бедности, социальное неравенство, социальное регулирование.

Регулирование бедности на государственном уровне тесно связано с рассмотрением бедности как социальной проблемы. В российской социологии наиболее распространена трактовка социальной проблемы как «объективно возникающего в процессе функционирования и развития общества противоречия; задачи, требующей решения средствами управления» [1, с. 409]. В современной социологии просматриваются два основных направления теорий социальной проблематики: объективизм и субъективизм. Объективизм представляет собой научную парадигму, трактующую социальные проблемы как объективно существующие, независимые от их восприятия. В рамках данной парадигмы сформировались и развились основные традиционные подходы социологии социальных проблем: подходы социальной девиации; социальной дезорганизации; структурно-функционалистский; критический (марксистский) [2, с. 8–37].

Субъективистская парадигма стала основой формирования альтернативных концепций изучения социальных проблем – подходов, опирающихся на теорию социального действия, символический интеракционизм, феноменологию и этнометодологию.

На современном этапе развития социологического знания наиболее популярными являются интеракционистский и конструкционистский подходы. Они используются при анализе таких явлений, как преступность, наркомания, бедность, безработица [2, с. 71–72].

Исторически развитие представлений о природе бедности происходило в контексте становления традиционных подходов к анализу социальных проблем. Классификация теорий бедности позволяет выявить полную адекватную

картину изменения социального знания, сопровождавшего процессы развития понимания бедности как социальной проблемы.

Понимание бедности как социальной патологии

Основу данной традиции составляет органицизм и социал-дарвинистская школа, в рамках которой бедность рассматривалась, с одной стороны, как болезнь социального организма, а с другой стороны, как следствие поражения индивида в естественном отборе, в борьбе за выживание. Выживание и процветание людей с низшими интеллектуально-моральными качествами, по мнению Г. Спенсера, вело к деградации всего общества. Бедственное положение личности связывалось с её врождённой слабостью, неполноценностью, неспособностью вести нормальное существование. Социал-дарвинизм стал первой социологической теорией бедности, в рамках которой явление интерпретировалось в терминах поведения и установок самих носителей проблемы. Бедные оказывались таковыми из-за того, что не желали упорно трудиться, тратили деньги «на азартные игры, алкоголь, ненужные безделушки и были неудачниками в семейной жизни. У них отсутствовали амбиции, мотивация к труду, они отличались фатализмом и неспособностью к обучению» [3, р. 294]. Повсеместно бедные были названы «опасным классом», представители которого живут в мире «грязных желаний» и «безнравственных намерений». Представители социального дарвинизма Томас Мальтус и Герберт Спенсер полагали, что только голод может научить бедных цивилизованному поведению и порядку [4].

Социал-дарвинистская теория сформировалась во второй половине XIX – начале XX вв., когда в Европе и Америке актуальным являлся вопрос о необходимости оказания помощи беднейшему населению. Критерием для отбора получателей помощи служили личные, моральные качества нуждающихся. Так, в Великобритании в рамках реализации «Закона о бедных» задача определения с помощью тщательной оценки «заслуживающих» и «незаслуживающих» помощи была возложена на Общество благотворительных организаций, созданное в 1869 г. [5].

Х.Р. Кербо отмечает тот факт, что во второй половине XX столетия американские авторы Г. Гильдер, Мюррей и Р. Хернштейн в лучших традициях социал-дарвинизма доказывали, что бедные генетически предрасположены к пребыванию на самом дне социальной иерархии, вследствие низкого IQ и слабых интеллектуальных способностей [6]. Система социального обеспечения, которая поддерживает данную категорию населения, оказывается при этом бесполезной тратой ресурсов и должна быть демонтирована.

Представление о бедности в структурно-функциональной традиции

Положение социальных групп бедных традиционно анализируется в рамках стратификационной теории, где бедность связывается с низким социальным статусом, нахождением «на дне», социальным неравенством. В середине прошлого столетия представители структурного функционализма К. Дэвис и У. Мур сформулировали тезис о том, что социальная стратификация есть функциональная необходимость и представляет собой систему ролей, совокупность по-

зиций, обладающих различной степенью престижности. Нахождение внизу социальной иерархии, с этой точки зрения, является следствием ограниченности и труднодостижимости тех общественных позиций, которые имеют большую функциональную значимость для социума. Для сохранения самого себя обществу необходимо только некоторое количество «полезных» позиций, остальные являются менее значимыми. Для того чтобы занять полезные позиции, человек должен обладать способностями и талантами, а задача общества – мотивировать индивида к занятию наиболее востребуемой позиции в системе стратификации, а затем поддерживать высокий статус с помощью вознаграждений. С точки зрения К. Дэвиса и У. Мура, которая подверглась серьёзной критике, высокое положение в социальной иерархии занимают преимущественно меритократы – люди, полностью заслуживающие тех наград, которые они получают. В данном контексте и бедность – это явление, которое (в той или иной степени) будет существовать всегда, в той мере, в какой вечна и сама стратификационная система, распределяющая людей в соответствии с потребностями общества.

Структурный функционализм Т. Парсонса ориентирован на анализ тех факторов, которые способствуют сохранению упорядоченной структуры общества, поддержанию равновесия и стабильности. Баланс возможен, в том числе, за счёт контроля над индивидами, который реализуется социальной системой (процессы социализации) и системой культуры (процессы интернализации). Т. Парсонс рассматривал социальных агентов преимущественно как пассивных реципиентов, его основным интересом являлась система в целом, а не то, как актор конструирует и сохраняет систему. Соответственно, и бедность в данном смысле может быть интерпретирована как явление, истоки которого лежат в структурных нарушениях. В значительной степени это нарушения культурного характера, поскольку Т. Парсонс понимал культуру как главную силу, связывающую различные элементы социального мира. Общество, стремящееся к благополучию, транслирует соответствующие ценности и нормы своим агентам, отклонения же возникают тогда, когда социализация оказывается неэффективной, а система ориентации и мотивации к действию социального агента оказывается слабо организованной. Причины проблемности, таким образом, связываются с дисфункцией, когда система теряет способность удовлетворять значительную часть потребностей своих акторов.

Подобная постановка вопроса требует анализа тех факторов, под влиянием которых происходят данные функциональные сбои. Сам Т. Парсонс, критикуемый за нежелание изучать социальные изменения, впоследствии всё же обратился к этой теме, представив свою «парадигму эволюционных изменений» [7, с. 22–76]. Эволюция выражается в процессе дифференциации, в результате которого выделяются новые, более адаптивные подсистемы. Парсонс исключил из анализа негативную сторону эволюции, хотя очевидно, что социальные изменения продуцируют процессы дезадаптации, характерные для целого ряда сообществ, в том числе социальных групп бедных.

Для сохранения упорядоченности в процессе дифференциации общество должно развивать механизмы интеграции. Парадоксально, но эти механизмы являются более важными именно для тех обществ, в которых индивиды сталкиваются с серьёзными проблемами в адаптации к социальным условиям. Сле-

дую идею Т. Парсонса, необходимо отметить, что крайняя дифференциация представляет угрозу упорядоченности и равновесию и определяет кризисное состояние системы. Интеграция, по Парсонсу, возможна за счёт формирования ценностной системы более высокого уровня обобщения, для того чтобы цели и нормы отдельных сообществ приобрели легитимный характер. Бедность, с этой точки зрения, может являться, в том числе, и следствием сопротивления определённых социальных групп, приверженных ограниченному ценностным системам, новым стандартам благополучия, которое общество формирует в результате эволюции.

Т. Парсонс также ввёл понятие «обобщённых средств обмена» внутри и между элементами социальной структуры, акцентируя внимание на их символическом характере. «Нормальные» распределение, циркуляция и расходование данных средств способствуют сохранению упорядоченности социальной системы, в то время как обратные процессы стимулируют функциональный сбой, приводящий к возникновению социальных отклонений.

Р. Мертон в рамках своей структурно-функциональной модели разработал целый ряд понятий, объясняющих деструктивные социальные явления. Базовая идея Р. Мертона, противоположная подходу Т. Парсонса, состоит в том, что далеко не все элементы социальной системы имеют функциональное значение для общества, не все структуры выполняют позитивные функции и в целом понятие функциональности имеет относительный характер. Мертон ввёл понятие дисфункции, говоря о том, что одно и то же социальное явление (одна и та же структура) может быть функциональным или дисфункциональным относительно другого. Идея Р. Мертона, вероятно, подтверждается семидесятилетней историей советского государства, когда поддержание «всеобщей бедности» выполняло конкретную политическую функцию, расценивалось в качестве нормы и в определённой степени способствовало сохранению относительного равновесия в обществе. Положение социальных групп бедных, масштабы данного явления можно воспринимать в качестве симптома, свидетельствующего об адекватном или неадекватном характере государственной социальной политики. В целом именно категории бедности и уязвимости являются инструментальными для политических партий в конкурентной борьбе и достижении преимущества.

Наиболее признанной является мертоновская теория девиантного поведения. Социальная девиация является следствием аномии, которая возникает «при наличии серьёзного рассогласования между нормами и целями культуры и социально сформированными способностями членов группы действовать в соответствии с ними» [8, с. 135]. Современное российское общество является ярким примером подобного рассогласования, хотя сам Р. Мертон в 1960-е годы анализировал ценностную структуру американского общества, отмечая, что доминирующей ценностью для американцев является денежный успех. В силу различного положения в социальной иерархии далеко не все граждане имеют возможность реализовать «американскую мечту», в силу чего возникает тенденция к девиантному поведению. Мертон разработал типологию приспособления индивидов к требованиям общества, с точки зрения принятия или отвержения официальных ценностей, а также с позиции легитимности или нелегитимности средств достижения целей. В данном контексте для социальных

групп бедных характерен так называемый *ретретизм*, то есть отказ от движения к успеху с помощью допустимых механизмов в результате «постоянных неудач в стремлении достигнуть цели законными средствами и неспособности прибегнуть к незаконным способам вследствие внутреннего запрета» [9]. Представители среднего класса демонстрируют скорее *ритуалистский* тип поведения, когда, достигнув определённого положения, люди стремятся к его сохранению с помощью признанных средств, не претендуя на более высокое место в социальной иерархии, так как это связано с повышенными рисками. В целом в результате всех преобразований российское общество продуцирует сегодня все типы адаптации, описанные Р. Мертоном, включая стремление к достижению денежного успеха незаконными средствами (*инновация*). Актуальность проблемы коррупции, например, в данном контексте демонстрирует факт приоритетности денежного успеха в современной России и ограниченного доступа к легитимным схемам его достижения. И если для представителей американского среднего класса, с точки зрения Р. Мертона, характерен внутренний моральный запрет на обращение к незаконным средствам достижения успеха, то для современной России вопрос о сформированности или значимости подобных табу остаётся открытым.

Именно данные представления лежат в основе так называемой *ситуативной (ситуационной) теории бедности*, согласно которой бедные не обладают достаточными ресурсами и возможностями для того, чтобы адаптироваться к образу жизни среднего класса. Ситуационная теория придаёт значение структурным факторам, провоцирующим бедность, но одновременно выявляет индивидуальные причины нахождения в бедственном состоянии [6]. Индивиды осознанно выбирают соответствующие образцы поведения, которые адекватны той объективной ситуации, в которой они оказались. Бедные не стремятся к достижению целей, разделяемых средним классом, поскольку они уверены, что всё равно не смогут этого сделать. На практике положение социальных групп бедных характеризуется значительными отклонениями от устремлений среднего класса. Исследователи Х. Родман и Л.Р. Делла Фейв интерпретировали данное явление как «ценностное пространство» («value stretch») нижнего класса [10, с. 205–215; 11, с. 609–621].

В целом *структурную парадигму в социологии бедности* можно считать наиболее оформленной, в её рамках данная проблема предстаёт как следствие макросоциальных изменений, влияния факторов, продуцирующих социальное неравенство и уязвимость. *Концепция андекласса*, сложившаяся на рубеже 70–80-х годов прошлого столетия в американской социологии, в качестве такого ключевого фактора рассматривает расцвет государства всеобщего благосостояния и реализацию социальных программ, обеспечивающих выплату пособий по бедности [12, 13]. Социальное государство, таким образом, само продуцирует и консервирует бедность, поскольку для получателей пособий такая позиция является удобной и выгодной и они стремятся к её сохранению.

Современная трактовка структурной теории бедности связана с понятиями глобализации, сетевой социальной структуры, информационного общества, транснациональной экономики. Современная глобальная сетевая экономика обеспечивает доступ к своим структурам только тем территориям и социаль-

ным агентам, которые представляют для неё интерес, обладая адекватным эпохе социальным капиталом, ресурсами, полезными в условиях информационной экономики [14]. Остальные в силу несоответствия требованиям глобального мира оказываются в режиме исключения. Поэтому движущей силой социальных изменений в настоящее время является противоречие между глобализованным миром и идентичностью (самобытностью) конкретного сообщества. Именно данная тема является сегодня одной из ведущих для зарубежных исследователей социальной проблемы бедности [15]. При этом целый ряд работ посвящён анализу положения социальных групп бедных в странах «третьего мира» [16, 17].

Современным вариантом структурной концепции бедности является теория социальной эксклюзии. Сам термин был введён в научный оборот в начале 70-х годов прошлого столетия французским исследователем Рене Ленуаром в работе «Les Exclus: Un Français sur Dix». Говоря о населении Франции, Ленуар выделил ряд категорий, представители которых, по его мнению, исключены из зоны внимания государственной системы социального обеспечения, гарантирующей занятость (маргиналы, люди с асоциальным поведением, делинквенты, инвалиды и др.). Начиная с 80-х годов именно теория эксклюзии является ведущей методологической базой целого ряда зарубежных исследований, посвящённых проблеме бедности [18, 19]. Социальная эксклюзия определяется как особое состояние «исключения» из мейнстрима, нахождение «внизу» и «вне» общества», возникающее в результате того, что индивиды: 1) находятся в невыгодном положении с точки зрения образования, квалификации, занятости, жилищных, финансовых ресурсов и т. д.; 2) их шансы получить доступ к основным социальным институтам, распределяющим эти жизненные шансы, существенно ниже, чем у остального населения; 3) подобные ограничения длятся во времени [20, с. 159]. В 1995 г. данный термин был официально признан делегатами Всемирного конгресса в Копенгагене. Как указывает К. Клерт, участники данной конференции продекларировали социальную эксклюзию как важнейшую проблему, сопутствующую бедности [21]. С середины 1990-х годов к данной теме обратились и отечественные авторы, анализируя возможности теории эксклюзии для изучения положения социальных групп бедных в современной России [22, 23]. Социальная эксклюзия – во многом субъективный, психологический феномен, измерить который достаточно непросто. Тем не менее, в «зоне эксклюзии» сегодня, очевидно, находятся те, кого по уровню доходов относят к категории экстремально бедных и нищих. «Бедность ведёт к эксклюзии в случае длительного, занимающего много лет процесса нарастания депривации. При пересечении определённого порога бедности домохозяйство, как правило, попадает в «серую зону». Более того, уровень нищеты по шкале депривации обязательно будет означать объективно существующую, хотя и не всегда осознаваемую эксклюзию» [22]. По различным экспертным оценкам, в российском обществе сегодня продолжается формирование многомиллионного слоя социально исключённых, что необходимо учитывать при переосмыслении задач социальной политики.

Использование теории социальной эксклюзии для анализа проблемы бедности имеет ряд преимуществ перед классическими подходами. Данная кон-

цепция даёт возможность исследовать положение групп бедных в контексте сетевой, горизонтальной социальной структуры, позволяет учитывать социальные контексты бедности. Теория эксклюзии включает категории гражданских и социальных прав, фокусирует внимание на ситуациях и факторах уязвимости, рассматривает роль социальных акторов в процессах эксклюзии и инклюзии и, наконец, исследует те институциональные условия и процессы, которые лежат в основе социального исключения [21, с. 176–199].

Социологические теории конфликта

В социологической теории конфликта социальные проблемы объясняются противоречием, столкновением интересов представителей различных социальных страт, групп, сообществ. В марксистской социологии бедность традиционно анализируется в терминах экономического неравенства, угнетения и эксплуатации, субъектами которых являются правящие классы, сосредоточившие в своих руках основные средства производства. В XX в. исследования бедности в данном контексте были связаны с критикой капиталистического общественного устройства, что для отечественной науки являлось ведущей темой. Зарубежные авторы, особенно в 1960-е годы, также внесли свой вклад в развитие критической социальной теории. В рамках концепции «культуры бедных», разработанной Оскаром Льюисом в 1959 г., не просто констатируется факт воспроизводства бедности, но и рассматривается формирование соответствующих норм, ценностей и образцов поведения как следствие осознанной позиции низших классов по отношению к официальной капиталистической идеологии [4, с. 2–3]. Культура бедных – это специфический синдром, который проявляет себя в условиях cash economy, высокого уровня безработицы, низкого уровня оплаты труда и ограниченных стартовых возможностей для большинства членов общества. На этом фоне бедные осознают, что занимают маргинальную позицию в стратифицированном и индивидуализированном капиталистическом обществе, которое не стремится сделать для них более доступными каналы вертикальной мобильности. В целях выживания бедные вынуждены формировать собственные институты, поскольку официальные структуры игнорируют их потребности. Результатом становится появление соответствующего образа жизни, особой субкультуры. О. Льюис выделил четыре группы признаков, описывающих данную субкультуру. К ним относятся признаки, характеризующие взаимоотношения между субкультурой бедных и остальным обществом; признаки, раскрывающие природу маргинального сообщества; специфику семейных отношений, а также признаки, касающиеся установок, ценностей и личностных особенностей представителей субкультуры бедности. Концепция О. Льюиса подверглась довольно жёсткой критике как идущая вразрез с доминирующей в то время точкой зрения на природу бедности и межклассовых отношений.

В целом критическая традиция в исследованиях бедности до сих пор представлена достаточно масштабно. Современная теория конфликта ориентирована на изучение социального самочувствия, интересов и потребностей представителей уязвимых, «исключённых» из мейнстрима социальных групп и целых территорий, находящихся на периферии глобализированной социальной структуры. Основной целью становится освещение «той критической роли, которую

будут играть местные сообщества и граждане в достижении преимущества в современной политической борьбе за глобальную социальную и экономическую справедливость» [15]. Речь идёт в первую очередь о странах «третьего мира», бедственное положение которых рассматривается, прежде всего, как результат экспансии капитализма и процессов глобализации.

Активное участие в исследованиях бедности как социальной проблемы принимают гендерная теория и теория феминизма, для представителей этих направлений также характерна осознанная критическая позиция [24–26].

В фокусе исследований оказывается взаимосвязь между проявлениями насилия в обществе (в том числе домашнего насилия) и различными формами социальной маргинальности [27]. Те, кто имеет низкий социально-экономический статус, кто находится в состоянии бедности, всегда рискуют стать жертвой насилия, и особенно уязвимыми в этом плане оказываются женщины. Высокая доля неполных семей в составе крайне бедных в целом по России позволяет исследователям говорить о процессе «феминизации» бедности [28]. Данная тема находится в центре внимания отечественных социологов, и в своих публикациях авторы констатируют факт непростого социально-экономического положения материнских семей. Уровень и образ жизни женщин, самостоятельно воспитывающих детей до 18 лет, отражает сложившийся в России «стандарт бедности».

Перспективы конструктивистского подхода к проблеме бедности

Основоположниками конструктивистского подхода в социологии являются М. Спектор и Дж. Китсьюз, которые предложили отказаться от поиска так называемых объективных факторов или условий, определяющих содержание социальных проблем [29, с. 161]. Данный подход составляет альтернативу социологическому объективизму, поскольку базируется на феноменологической традиции и требует учёта так называемых утверждений – требований, выдвигаемых социальными акторами – субъектами социальных отношений. С этой точки зрения, социальная проблема – это позиция недовольства, которую формулируют индивиды или группы, заинтересованные в изменении сложившейся ситуации. Социальная проблема, таким образом, представляет собой конструктор, оценочное суждение, касающееся тех общественных условий, которые, предположительно, существуют. Конструкционистский подход включает строго феноменологическую и контекстуальную версии, последняя предполагает анализ соответствия выдвигаемых заинтересованными лицами требований действительным социальным условиям.

Теоретически для изучения проблемы бедности конструкционистский подход является перспективным, поскольку может способствовать преодолению сложившихся стереотипов, позиционированию бедности как деструктивного, нежелательного, опасного явления. Основная задача подобной деятельности состоит в том, чтобы привлечь внимание общественности и власти к экспертизе сложившихся условий в целях изменения ситуации. Процесс конструирования бедности как социальной проблемы требует использования новой терминологии, участия новых акторов, разработки инновационных подходов.

Открытым остаётся вопрос о том, какие именно социальные группы должны принимать участие в данном процессе, а в целом, насколько перспективна конструкционистская деятельность в условиях современной России. Как следует из самой идеи, конструкторами проблемы в первую очередь выступают сами «нуждающиеся», это «инициатива снизу», запрос, который нуждается в длительном лоббировании. Ответственность за решение подобных задач во всём цивилизованном мире возлагается на так называемые институты гражданского общества, в том числе негосударственные организации, которые обладают достаточными ресурсами для поддержания диалога с властью.

В современной России организации и лидеры, которые бы выражали интересы представителей малообеспеченных, уязвимых социальных групп, находятся в стадии становления и оказывают слабое влияние на социально-политические процессы. Традиционно социальные группы бедных являются электоратом левых политических партий, прежде всего КПРФ. «Обнищание народа» для коммунистов до сих пор остаётся ключевой темой, брендом, под которым партия продвигает свой «товар» целевым аудиториям. На этой же территории базируется и ЛДПР, выдвигая в рамках предвыборных кампаний довольно сомнительные лозунги («Мы за бедных. Мы за русских.»). Вместе с тем, тема бедности в исполнении данных политических партий оказывается малоинтересной массовой аудитории, и не только в связи с утратой ими былого влияния, а скорее потому, что «способы конструирования», способы продвижения своего брэнда, используемые той же КПРФ, несколько устарели и утратили свежесть и привлекательность в глазах потенциального потребителя. В этих условиях «главным конструктором» социальной проблемы бедности в нашей стране может быть пока только государство, которое обладает достаточным влиянием на СМИ и располагает влиянием на уязвимые группы населения, например семьи с детьми, через систему социальной защиты и систему образования.

В социологическом дискурсе конструкционистский подход к анализу проблемы бедности представлен в гораздо меньшей степени, чем объективистские концепции. Тем не менее, зарубежные авторы всё активнее выбирают в качестве методологической позиции феноменологический конструкционизм, используя методы качественного анализа и иницируя так называемые партисипаторные исследования. Партисипаторное исследование (participatory research) – рефлексивный способ наделять людей способностью и властью предпринимать эффективные действия с целью улучшить их жизненную ситуацию посредством интеллектуальной деятельности. При таком подходе сами участники организации проводят анализ проблемы, а исследователь лишь фасилитирует этот процесс, избегая акцентировать свою роль как эксперта [30]. За рубежом партисипаторные исследования становятся всё более популярными, так как ориентируют на совместную работу учёных и общественности, заинтересованной в решении той или иной проблемы.

Европейские страны, в частности, обладают всеми предпосылками для осуществления подобной деятельности, в силу развитой практики социальной работы в территориальных сообществах (community work) и групповой социальной работы (group work). Партисипаторное исследование позволяет реали-

зовать традиционный для социальной работы принцип активизации, согласно которому ответственность за осознание, анализ и решение проблемы принадлежит в первую очередь её носителям.

Так, в частности, исследователь К. Серр утверждает, что истинными экспертами в области проблемы бедности могут быть только сами бедные и их мнения должны быть обязательно учтены при определении содержания проблемы и выработке мер социальной политики [31, с. 137–144]. Перспективность данного подхода была признана ведущими международными организациями, такими, как ПРООН и Мировой банк. Так, например, Мировой банк в последнее время реализовал ряд исследовательских проектов в 23 странах в целях проведения консультаций с представителями беднейших социальных групп. Эти проекты стали частью глобального исследования «Consultation with the Poor», результаты которого были представлены в Докладе Всемирного банка развития за 2000 г. В своей статье К. Серр представил результаты пилотного исследования, в котором приняли участие 10 австралийских бездомных, опрошенных с помощью полуструктурированного интервью. В ходе исследования бездомным мужчинам в возрасте от 29 до 46 лет, страдающим различными заболеваниями, было предложено ответить на ряд вопросов, в том числе: «Как бы вы определили, что такое бедность?»; «Каковы, по Вашему мнению, причины данной проблемы?»; «Каким образом, на Ваш взгляд, можно преодолеть бедность?»; «Считаете ли Вы, что официальные стратегии борьбы с бедностью действительно оказывают Вам поддержку?».

По итогам обработки данных было выделено шесть категорий, определяющих содержание проблемы бедности и формирующих целостное представление о природе явления. Категория 1 описывает отсутствие ряда значимых феноменов в жизни бездомных (хорошее здоровье; чувство принадлежности; забота; деньги; питание; одежда и кров; гигиена; любовь; достаточная самооценка; мотивация др.). Категория 2 указывает на то, чем бездомные располагают: повседневная жизнь в перенаселённой среде; проблемы с полицией; скитание по улицам; переживание насилия на улицах; привычка к вандализму в общественных местах. Категория 3 описывает существование бездомных: физическая истощённость; депрессия; зависимость от алкоголя и наркотиков и др. Категории четвёртая, пятая и шестая отражают соответственно чувства, отсутствие возможностей (способностей), недостаток материальных ресурсов. В целом только двое из десяти респондентов отметили, что имеют достаточный доход и не особенно нуждаются в дополнительных источниках средств. Большинство бездомных связали переживание бедности в первую очередь с низкой самооценкой, бессмысленностью существования и социальной изоляцией, отсутствием жилья и безработицей [31].

К. Андерлид проанализировал опыт переживания уязвимости у 25 респондентов, живущих в относительной бедности в условиях благополучного общества, каким является Норвегия [32, с. 65–74]. Исследование показало, что бедность и связанные с ней факторы вызывают ощущение незащищённости и беспокойства. Респонденты, жители небольшого норвежского города, назвали целый ряд причин подобных эмоций и идентифицировали своё психологическое

состояние как переживание уязвимости. Методологической базой исследования стали теория потребностей и эмоций и в целом психология бедности.

Как показывает контент-анализ публикаций по теме, указанные социальные группы, безусловно, находятся в сфере интересов отечественных и ряда зарубежных исследователей. Положение их представителей в современном российском обществе анализируется преимущественно в русле таких направлений, как *теория социальной стратификации, экономическая социология, гендерная социология*. Концепции депривации и эксклюзии являются относительно новыми для отечественного научного дискурса, тем не менее, теоретический и прикладной анализ данных феноменов можно также назвать одним из актуальных направлений российской социологии [33–36].

Анализ бедности как социальной проблемы на современном этапе общественного развития требует перехода от статического изучения проблемы к динамическому. Мониторинг бедности является ключевым инструментом информационно-аналитического обеспечения государственной политики европейских стран. Обзор динамических исследований бедности в Великобритании, подготовленный Н. Смит и С. Миддлтон на основе 115 аналитических отчетов по данной тематике, опубликованных начиная с 1990 года, показывает основные результаты развития как самого явления бедности в стране, так и принципов ее изучения [37]. Регулярный мониторинг бедности в Великобритании, базирующийся на относительном и депривационном подходах, на регулярной основе реализуется с 1990 года, что позволяет исследователям проследить устойчивые тренды. К бедным домохозяйствам относятся семьи, чей доход ниже 60% от медианы среднего национального дохода.

Индикаторы для измерения депривационного подхода, используемые в официальном мониторинге бедности, закреплены в методике Евростата и кратко могут быть классифицированы следующим образом:

- базовые депривации, определяющие жизненный стиль: еда, одежда, отдых один раз в год, замена мебели и задолженности по текущим платежам;
- вторичные жизненные депривации: автомобиль, телефон, цветной телевизор, видео, микроволновая печь и посудомоечная машина;
- условия проживания: доступность таких услуг, как душ или ванная, туалетная комната и горячая вода;
- ухудшение условий проживания: наличие таких проблем, как протекающая крыша, гнилые рамы;
- проблемы окружения: шум, загрязненность территории, вандализм, неадекватное пространство и освещение.

Измерение бедности на основе расчета 60% от медианы среднего общенационального дохода снимает вопрос о возможности преодоления бедности в целом. В этой ситуации на первый план выдвигаются две концепции: социальной мобильности и социальной эксклюзии. В рамках первого подхода внимание исследователей фокусируется на времени пребывания человека, семьи в условиях бедности. Население подразделяется на следующие социальные группы:

- 1) никогда не соприкасавшиеся с бедностью и не приближавшиеся к ней в течение всей жизни;

- 2) не соприкасавшиеся с бедностью, но приближавшиеся к границе риска;
- 3) имеющие опыт однократного краткосрочного пребывания в состоянии бедности;
- 4) имеющие опыт неоднократного краткосрочного пребывания в состоянии бедности и выхода из нее;
- 5) имеющие опыт однократного среднесрочного пребывания в состоянии бедности;
- 6) имеющие опыт неоднократного среднесрочного пребывания в состоянии бедности и выхода из нее;
- 7) пребывающие в состоянии затяжной бедности и не имеющие опыта выхода из нее.

Такая разнообразная детализация социальных групп направлена на выявление механизмов преодоления различных типов бедности и изучения наиболее эффективных стратегий.

В рамках подхода социальной эксклюзии в центре внимания исследователей находятся различные социальные группы, материальное положение которых может и должно регулироваться государством. Так, в центре основной массы исследований находится изучение детской бедности и ее преодоления. Государственные социальные программы помощи семьям с детьми направлены на создание для детей стартовых условий, способствующих разрушению субкультуры бедности и росту социальной мобильности. Регулярно проводимый мониторинг бедности дополняется партисипаторными исследованиями в различных социальных группах.

Анализ подходов к изучению бедности как социальной проблемы показывает долгий путь эволюции отношения общества к данной проблематике. Бедность как социальная проблема имела длительное развитие, начиная от отрицания общественной необходимости решения этой проблемы и закрепления вины бедности за самими бедными до создания специализированных информационно-аналитических и партисипаторных технологий для решения данной проблемы. Каждая вновь появлявшаяся социологическая концепция предлагала дефиниции и методы решения социальной проблемы, соответствующие текущему социальному контексту и социальному капиталу, накопленному обществом.

Несмотря на происходящие в последнее время в российском обществе перемены, ценность социальных изменений как таковых, готовность и умение жить в постоянно меняющемся мире пока не свойственна основной массе социальных институтов страны. Пережив посттравматический шок, социальный российский механизм любой ценой стремится к стабилизации, обратной стороной которой становится снижение социальной мобильности членов общества и закрепление социальных статусов, в том числе и консервация бедности. Острота проблемы бедности в стране снижается не столько в результате изменения доходов населения, так как всегда были и останутся те семьи, чей доход ниже 60% от медианы среднего. Острота бедности снижается, когда пребывание семей в этой социальной группе краткосрочно или среднесрочно. При этом бедность реально выполняет функцию регулирования и мотивирования членов общества к мобилизации своих трудовых усилий. В противном случае устой-

чивая бедность начинает самовоспроизводиться в новых поколениях, повышая нагрузку на социальные расходы государства.

В этом ключе представляется необходимым внесение в концепцию российской социальной политики следующих усовершенствований:

- переход от однократных исследований бедности к ее измерению на постоянной основе;
- включение в систему анализа эффективности социальных программ индикаторов, отражающих срок пребывания семьи в состоянии бедности;
- классификация социальных инструментов помощи малоимущему населению по степени скорости выхода семьи из состояния бедности;
- более широкое привлечение общественных организаций для обеспечения социального диалога между нуждающимися членами общества и органами власти.

Summary

M.L. Teodorovich. The Dynamic Approach to the Study of Poverty As a Basis of Regulation of Social Inequality.

This article assesses whether it is possible to reconceptualize the traditional static research approaches to the study of poverty on the basis of different dynamic sociological perspectives. A dynamic approach allows us to combine the best elements of these traditional concepts and to reconceptualize them into a general framework for the study of poverty and the regulation of social inequality.

Key words: poverty theory, social inequality, social regulation.

Литература

1. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: Изд. группа НОРМА–ИНФРА-М, 1999. – 672 с.
2. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 200 с.
3. Matza D. The Disreputable Poor // Bendix R., Lipset S.M. (eds.) Class, Status and Power: Social Stratification in Comparative Perspective. – N. Y.: Free Press, 1966. – P. 289–302.
4. Aminul Islam S. Sociology of Poverty: Quest for a New Horizon // Bangladesh e-Journal of Sociology. – 2005. – V. 2. No 1. – P. 1–8.
5. Seed P. The Expansion of Social Work in Britain. – London: Routledge and Kegan Paul, 1973.
6. Kerbo H.R. Social Stratification and Inequality: Class Conflict in Historical and Comparative Perspective. – Boston: McGraw-Hill, 1996.
7. Parsons T. On Building Social System Theory: A Personal History // Social Systems and the Evolution of Action Theory. – N. Y., 1977. – P. 22–76.
8. Рутцлер Дж. Современные социологические теории. – М., 2002. – 688 с.
9. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социол. исслед. – 1992 – № 4. – С. 104–114.
10. Rodman H. The Lower Class Value Sretch // Social Forces. – 1963. – No 42. – P. 205–215.

11. *Della Fave L.R.* The Culture of Poverty Revisited: A Strategy for Research // *Social Problems*. – 1974. – No 21. – P. 609–621.
12. *Andersen J., Larsen J.E.* The Underclass Débat – A Spreading Disease? // *Mortensen N.* (ed.) *Social Integration and Marginalization*. – Copenhagen: Samfundslitteratur, 1995.
13. *Smith D.J.* Defining the Underclass // *Smith D.J.* (ed.) *Understanding the Underclass*. – London: Policy Studies Institute, 1992. – P. 8.
14. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
15. *Sloan T.* Globalization, Poverty, and Social Justice: A Basic Introduction for Students of Psychology and Social Work // *Nelson G., Prilleltensky I.* (eds.) *Community psychology: in pursuit of liberation and wellbeing*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
16. *Dieden S., Gustafsson B.* Child poverty in South Africa: an assessment based on microdata for 1995 // *Internat. J. of Social Welfare*. – 2003. – V. 12, No 4. – P. 326–338.
17. *Nargis N., Hossain M.* Income Dynamics and Pathways out of Rural Poverty in Bangladesh, 1988–2004 // *Agricultural Economics*. – 2006. – V. 35, No s3. – P. 425–435.
18. *Sen A.* Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny // *Social Development Papers № 1*. – Office on Environment and Social Development. Asian Development Bank. – June 2000. – 54 p.
19. *Apospori E., Millar J.* The Dynamics of Social Exclusion. Comparing Austria, Germany, Greece, Portugal and the UK. – Cheltenham: Edward Elgar, 2003.
20. *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // *Общ. науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 158–166.
21. *Clert C.* Evaluating the Concept of Social Exclusion in Development Discourse // *Europ. J. Developm. Res.* – 1999. – V. 11, No 2. – P. 176–199.
22. *Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. – М.: Летний сад, 2003. – 408 с.
23. *Ярошенко С.С.* Бедность в постсоциалистической России. – Сыктывкар, 2005. – 208 с.
24. *Quibria M.G.* Gender and Poverty: Issues and Policies With Special Reference to Asian Development Countries // *J. Economic Surveys*. – 1995. – V. 9, No 4. – P. 373–411
25. *Jones J.P., Kodras J.E.* Restructured Regions and Families: The Feminization of Poverty in the U.S. // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1990. – V. 80, No 2. – P. 163–183.
26. *Sender J.* Women's Struggle to Escape Rural Poverty in South Africa // *J. Agrarian Change*. – 2002. – V. 2, No 1. – P. 1–49.
27. *Evans S.* Beyond Gender: Class, Poverty and Domestic Violence // *Australian Social Work*. – 2005. – V. 58, No 1. – P. 36–41.
28. *Феминизация бедности в России: Макроэкономический анализ феминизации бедности в России: Сб. докл., подгот. для Всемирного банка*. – М.: Весь мир, 2000. 220 с.
29. *Спектор М., Китсьюз Дж.* Конструирование социальных проблем // *Контексты современности – II: Хрестоматия* / Сост. и ред. С.А. Ерофеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. – С. 160–163.
30. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Акционистские и партисипаторные исследования в социальной работе // *Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза*. – Саратов, 2004. – С. 31–35.
31. *Serr K.* Voices from the Bottom // *Australian Social Work*. – 2004. – V. 57, No 2. – P. 137–144.

32. *Underlid K.* Poverty and Experiences of Insecurity. A qualitative Interview Study of 25 Long-Standing recipients of Social Security // *Internar. J. Social Welfare.* – 2007. – V. 16. – P. 65–74.
33. *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии // *Социол. журн.* – 2000. – № 3–4. – С. 5–17.
34. *Давыдова Н.М.* Депривационный подход в оценках бедности // *Социол. исслед.* 2003. – № 6. – С. 88–96.
35. *Тихонова Н.Е.* Социальная эксклюзия в российском обществе // *Общ. науки и современность.* – 2002. – № 6. – С. 5–17
36. *Шмидт В.* Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // *Журн. исслед. социальной политики.* – 2004. – Т. 2, № 4. – С. 547–566.
37. *Smith N., Middleton S.* A review of poverty dynamics research in the UK. – York, KU: Joseph Rowntree Foundation, 2007. – 122 p.

Поступила в редакцию
10.04.08

Теодорович Михаил Леонидович – кандидат технических наук, доцент кафедры экономической социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, докторант.